

Шолохов без камуфляжа

24 мая исполнилось 100 лет со дня рождения писателя —
Михаила Александровича Шолохова

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ интервью с писателем Валентином Осиповым — лауреатом Всероссийской шолоховской премии. На днях в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» вышла его книга о Шолохове. Тема нашей беседы: художник и власть.

За художественную силу и честность

— В свое время агитпроп называл Шолохова «верным бойцом партии», а его произведения — «образцом соцреализма». Нынешние политиконъюнктуристы делают свой вывод: Шолохов, мол, обслуживал режим, он — «жрец соцреализма»...

— Шолохов первым в литературе дал возможность искать истину простому крестьянину — казаку Мелехову. Да как: именно в противостоянии с властью! С любой: царской ли, белой или красной, если она шла на принуждение народа. Это пронизательно отметил Нобелевский комитет в своем решении о присуждении премии Шолохову: «За художественную силу и честность, с которыми он создал историческую часть жизни русского народа и своим «Тихом Доне».

В беседе с сыном в конце жизни Михаил Александрович спросил: «Когда там по нашим учебникам Гражданская окончилась? В 20-м? — И продолжил: — Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие, то по команде, что ни команда — то для людей, мягко сказать, обиды...»

Свирепствует произвол

— Однако же он был членом правящей партии — дисциплина, обязанность поддерживать ее политику.

— Как выяснилось, лишь до определенного рубежа. Один из примеров. 1933-й, коллективизация, сопровождаемая голодомором. «В чем состоят основные результаты наших успехов?» — говорил тогда Сталин. — В охвате колхозным строительством и в уничтожении в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне». Шолохов в письме: «Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот, этакое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными, а над десятками тысяч колхозников... По колхозам свирепствует произвол... Слов нет, не все перемрут даже в том случае, если государство вообще ничего не даст».

«Мы со Сталиным не на равных»

— Шолохов не мог не задуматься — откуда пошел культ Сталина? — Вы правы. И вот его мысли из диктовок сыну: «А что же еще у нас могло после революции получиться? Вот, скажем: «Вся власть Советам». А кого в Советы?... А ты с этим в хутор приди, к живым людям... Кто же будет от них депутатом?... И вот расселись эти герои по руководящим креслам... Знаний-то фактических никаких. Только и оставили после войны одно

умение — получать приказы да отдавать. И летит хуторской комиссар сломя голову к станичному за приказом. А тот такой же умелец, как он сам, только званием повыше, — в область. А тому куда? Тут уж хочешь не хочешь, а должен где-то на самом верху появиться вождь. Именно вождь. Верховный Главнокомандующий. Человек, способный взять на себя смелость принимать окончательные, верховные, решения... Для всех. Сверху донизу и от Москвы до самых до окраин...»

Приоритет Шолохова в том, что, пожалуй, он первым стал говорить не об особенностях личного характера Сталина, тем более — клинических, как это стало модным с перестроенных батальонов на темы советской истории.

— Напомним, Валентин Осипович, как отобразил писатель образ Сталина в своих романах? Ведь даже А. Толстой, Булгаков, Мандельштам, Ахматова восхваляли его, пусть и под давлением обстоятельств.

— Поразительно, в «Тихом Доне» нет имени Сталина. «Поднятая целина». Невероятно: Сталин не персонафицируется в контексте узаконенной формулы «сталинская коллективизация». Ни сюжетных с ним сцен, ни портрета, ни культовых гимновоспеваний («от имени народа»).

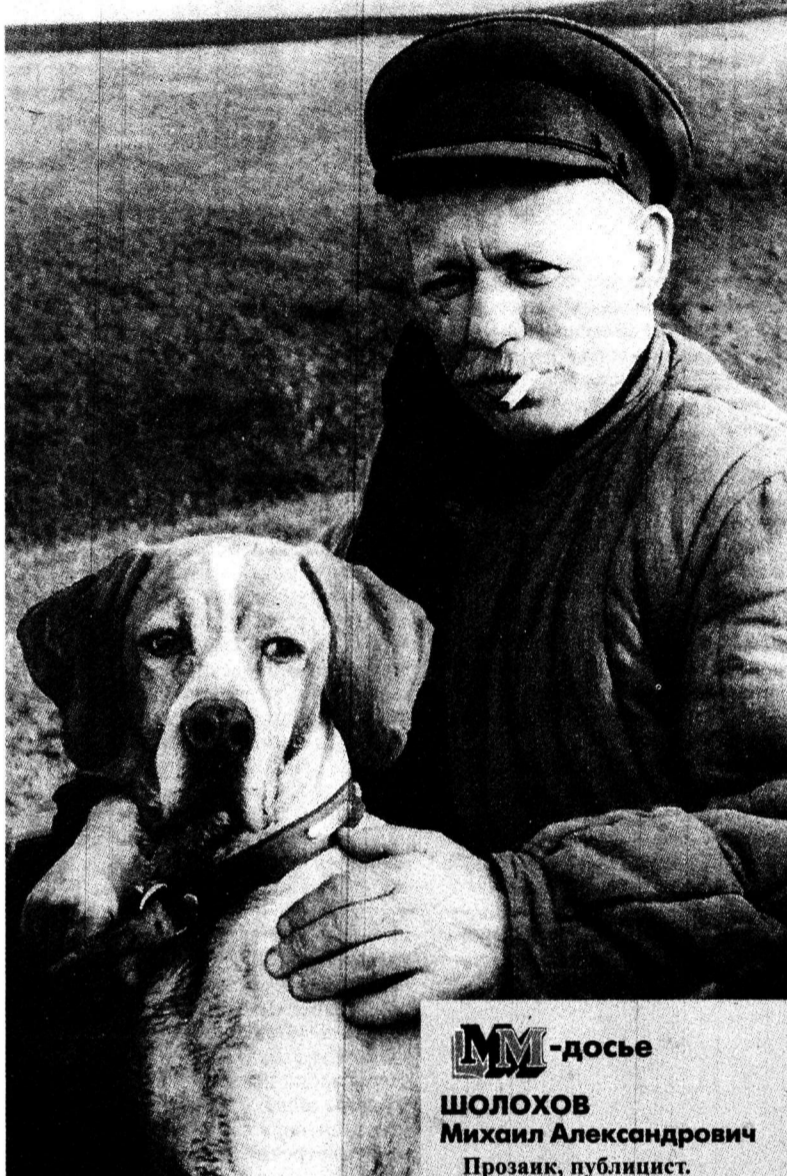
Зато уже в главе, где появляется Давыдов, выписан политически отважный спор местного партийца с эмиссаром ЦК: как проводить коллективизацию. По Ленину, шадя, как был убежден Шолохов, крестьян. Или по Сталину — с беспощадным раскулачиванием, что и было столь правдиво запечатлено в романе.

«Они сражались за Родину». Генералиссимус здесь — без единого восхваления! — ввергнут в страстные споры о том, каковы последствия уничтожения командных кадров перед войной и вообще за нанесение партии «тяжелого урона».

— И все-таки: оставил ли Шолохов прямые оценки Сталину?

— Не загонял себя в прокрустово ложе. С одной стороны, в военном романе появился монолог: «На Сталина обижаюсь. Мешает одно, мы с ним не на равных: если я отношусь к нему с неприязнью, то ему на это наплевать, ему от этого ни холодно ни жарко, а вот он отнесся ко мне неприязненно, так мне от этого было и холодно, и жарко, и еще кое-что похуже...» Одновременно такое: «нельзя замалчивать Сталина. Надписать все: и положительное и отрицательное...» Но был определен в оценках роли Сталина в войне: «Не может победить армия, руководимая бездарным или просто неспособным Верховным Главнокомандующим».

Добавлю, что он — отважно! — пытался пресечь возвеличивание Сталина. В статье к 60-летию вождя (1939) высказано: «Мне кажется, некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частных упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами». Такого не было в открытой печати никогда и ни от кого!

Убеждениям не изменял

— Распространено мнение, что Шолохов во всем поддерживал друзей после Сталина правителей.

— Нет, не изменил своим убеждениям. Один из примеров. Резко выступил против расстрела демонстрации рабочих Новочеркасска в 1962 году. Они протестовали против повышения цен на продовольствие. На Дон прибыл второй секретарь ЦК КПСС с заданием осудить местных партийцев — мол, не смогли справиться без вмешательства ЦК. Зал сидел раздавленным и подавленным, а ораторы должны были каяться — вне зависимости, были ли причастны к кровавым событиям.

На трибуне Шолохов. «Почему повышаете цены, не посоветовавшись с народом? — возмущается он. — Как же мы, партия, можем стрелять в народ?...» В президиуме оторопь, в зале оцепенение.

Дополню: спустя четыре года в гости к Шолохову напросился один отставной генерал. Сидел, сидел да вдруг признался, что командовал полком в Новочеркасске. Так писатель выплеснул неостывшее за годы возмущение: «Это невиданное преступление верхов, оказавшихся неспособными воплощать в жизнь благородные, по своей сути и содержанию, идеи социализма». 1964 год. Подгорный Н. В., Председатель Президиума Верховного Совета, член Политбюро, приехал в Ростов и в

речи перед партактивом обратился к Шолохову — без Горького-де среди писателей «нет порядка». Шолохов ему без никакого политета: «Вы тоже не обижайтесь. Среди вас в правительстве нет Ленина, поэтому и дела в стране в очень большом беспорядке...»

Он сражался за правду

— Шолохов не мог не задумываться о том, как ему творить под «присмотром» партбонз.

— Однажды с таким монологом: «Вроде бы приятно внимание от партии... И любит, и благодарствуют, и надежду выражают, что я сдам в печать «Они сражались за Родину». А кто подумал о наших «зигзагах» в оценках войны после Сталина? Эта война еще не стала подлинной историей... Хрущев нашел дорогу в Вешки, возил меня в Америку. А цель? Оценить его заслуги, как он, будучи представителем Верховной ставки, просрал Харьковскую операцию? С историей надо обращаться осторожней, по правде исследовать и писать. Не так, как с Мало-земельной историей» (речь о воспоминаниях Л. И. Брежнева).

1984-й, за две недели до его кончины — рак! — я, директор «Художественной литературы», получил указание Шолохова восстановить в «Тихом Доне» фамилию Троцкого. Это особая строка творческой биографии. Он на пороге смерти решил побороться за полную историческую правду в теме расказачивания. Ведь партцензура запрещала обнародовать Шолохову, что именно центральная власть развернула ликвидацию казачества. Троцкий в Гражданскую всячески поощряет эту изуверскую кампанию — так и его не упоминать, ибо посланец Центра. Теперь же все становилось на свои места — виновники расказачивания не только местные перегибщики.

О «соцреализме»

— Все то, что мы узнаем, не «вяжется» с обязанностью советского писателя быть соцреалистом.

— А разве есть что-то общее с этим догматическим методом у «Тихого Дона»? Не случайно в обихою высказываний классика не включают одно весьма красноречивое.

Чешский журналист обратился к нему с вопросом: «Что такое социалистический реализм?» Ответил: «Теория — не моя область. Я просто писатель. Но об этом я разговаривал с Александром Фадеевым незадолго до его смерти. «Представь, кто-нибудь спросит тебя, что такое социалистический реализм, что ты ответишь?» И он сказал: «Если надо было бы ответить со всей откровенностью, то сказал бы просто — а черт его знает».

Последовал вопрос в лобовую: «Считаете ли себя соцреалистом?» Ответил: «Ваш вопрос заставляет меня вспомнить, что марксистские теоретики сперва считали меня кулацким писателем, потом объявляли контрреволюционным писателем, но в последнее время говорят, что я всю жизнь был социалистическим реалистом».

Вел беседу
Виктор АНДРИЯНОВ.

ММ-досье

ШОЛОХОВ Михаил Александрович

Прозаик, публицист.

Родился 11 (24) мая 1905 года на хуторе Кружилин станицы Вешенской в крестьянской семье. Учился в церковноприходской школе, затем в гимназии, окончил четыре класса. Начавшаяся революция и гражданская война помешали продолжить образование. После революции Шолохов — учитель по ликвидации безграмотности, статистик, делопроизводитель, продовольственный инспектор. Работает в комбедах по изъятию хлеба. 1922 — Шолохов приезжает в Москву, собираясь учиться. Ему не удается поступить на рабфак, и он трудится чернорабочим, занимаясь самообразованием. Встречается здесь с поэтами и писателями группы «Молодая гвардия». 1923 — в газете «Юношеская правда» опубликован первый фельетон Шолохова «Испытание». 1941–45 — во время Отечественной войны Шолохов — военный корреспондент «Правды», «Красной звезды», часто выезжает на фронт.

Основные произведения

Романы:

«Тихий Дон» (кн. 1–2, 1928; кн. 3, 1929–32; кн. 4, 1937–1940; Государственная премия СССР, 1941). «Поднятая целина» (кн. 1, 1932; кн. 2, 1959–60; Ленинская премия, 1960). «Они сражались за Родину» (отд. главы — 1943–44, новая редакция — 1969).

Рассказы:

«Нахаленок» (1925). «Жеребенек» (1926). «Смертный враг» (1926).

«Наука ненависти» (1942). «Судьба человека» (1956–57).

Сборники:

«Донские рассказы» (1926). «Лазоревая степь» (1926). Повесть «Путь-дороженька» (1925).

Публицистические статьи:

«Слово о Родине» (1948). «Борьба продолжается» (1948). «Свет и мрак» (1949). «Не уйти палачам от суда народов» (1950).